

Михаил Вадимович Цой

Отцу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598403

SelfPub; 2019

Аннотация

Не видевший долго время сына главный герой получает письмо, в котором чадо приглашало родителя увидеться. Жаждающий встречи отец приезжает по указанному адресу, но обнаруживает лишь заброшенный дом. Где же сын?..

«Дорогой отец,

Ещё с моего отрочества мы общались письмами. Сейчас я уже свыкся с твоим отсутствием, но, знаешь, было бы неплохо встретиться снова, как думаешь?..»

Я в очередной раз перечитал письмо и, аккуратно сложив, поместил его в нагрудный карман. На душе было спокойно, впервые за долгое время. Даже сейчас, когда за окном поезда шёл ливень, а вдалеке били молнии, я ощущал покой.

Несмотря на всю суету ночного поезда, стук рельс и капель дождя о стекло, мне не спалось – не мог дожидаться встречи. Сколько мы не виделись? Лет шестнадцать? Или больше?..

Под ногами стояла сумка, полная разных книг: от серьёзных научных догматов до сборника скандинавских мифов – сын одинаково любил как науку, так и фольклор. На форзаце каждой было аккуратно выведено: «Дорогому Николаю от любящего отца Тимофея».

Всегда находил такое сочетание интересов любопытным. Обычно подростки, узнав что-то из науки, пытаются опровергнуть легенды, стремясь утвердиться, заявить о себе миру, мол, вот он я, вот мои верные доводы, и вместе мы правы!

Однако Николай, как сам он просил себя величать (ибо не пристало мужу учёному откликаться на Коленьку), подошёл с другой стороны – старался объяснить мифы, используя научные знания, а не развеять их.

Так, в своё время, вычитав про неких чудовищ, появляющихся в грозу, он увлёкся легендами и сказками. Чуть позже, сделав вывод, что люди, наблюдавшие это, всего лишь застали шаровую молнию, Николай углубился в физику, пытаясь найти ответы на возникающие вопросы.

И так увлёкся, что в свои тринадцать лет решал задачи за десятый класс. Учитель всё давал и давал новый материал, искренне веря в гениальность Николая и его светлое будущее физика. Остальные предметы Николай готовил «на отвали». Даже на иностранных языках он умудрялся получать плохие оценки, хотя неплохо разбирался в английском и французском – как-никак, родной отец – переводчик.

Я стукнулся головой – не заметил как задремал. Поезд тормозил, в проходе топтались люди с чемоданами – всего четверо, но шуму создавали они прилично.

Наручные часы показывали пять утра, то бишь ещё полтора часа до моего выхода. Это время я потратил, аккуратно выписывая и тут же зачёркивая слова, которыми попривет-

ствую сына.

Нехватка времени на общение с Николаем и привычка всё выписывать и породили нашу с ним традицию общаться письмами. Поздно ночью, закончив работать с переводами, я писал заметки, в которых говорил сыну, что ему нужно сделать завтра после школы, и извинялся за невозможность активного участия в его жизни. Он был смышленным парнем и прекрасно понимал, что после смерти матери абсолютно всё водрузилось на мои плечи: от заработка до воспитания. Я хватался за любую работу – от переводов до написания речей, желая обеспечить ему достойное детство.

И Николай не только понимал это, но и поддерживал меня: писал ответные письма, рассказывая, как прошёл день, иногда спрашивая совета, помогал по хозяйству, много читал – делал всё, чтобы быть примерным сыном.

Однако почти полное отсутствие контроля приносит свои плоды, к сожалению, не всегда хорошие.

Меня в очередной раз потрянуло – поезд затормозил на моей станции. Я схватил сумку и выбежал на перрон, где тут же нашёл таксиста, согласившегося меня подвести.

За долгое время моего отсутствия дом изменился: потуск-

нел, местами покрылся плющом, черепица попадала, стёкла помутнели – заметно, что их давно не мыли. Все окна были плотно занавешены. Дом казался нежилым.

Двор порос сорняками, и даже бетонная тропа до входа заросла травой. Да и дверь выглядела не лучше: краска потрескалась, обнажая разбухшее дерево.

Звонок не работал. Я постучал пару раз. Затем ещё немного. А потом ещё. Ответом была тишина.

Я дёрнул ручку – дверь была открыта. До последнего надеялся, что всё это какой-то странный розыгрыш, где все двери открыты, как бы приглашая меня войти, а внутри торт. Однако и внутри никого не было. Только спёртый воздух и пыль.

Дом казался вымершим. Включив свет и ужаснувшись количеству грязи и пыли, я решил не разуваться, а сразу пройти дальше. В коридоре висело пальто и пара курток. Однако в так называемом «предбаннике» с лестницей на второй этаж и проходом в зал обнаружилась первая странность – мой ботинок запутался в проводах – те как плющ оплетали пол и весь потолок.

Они вели в зал, так что я решил пройти туда. В гостиной

творилось нечто очень жуткое и напоминающее логово паука: вереница проводов опутывала всю комнату, а в центре располагался механизм с потухшими лампами и рычагами.

После непродолжительных бесплодных поисков на кухне, где меня встретил грязный холодильник с бутылками водки внутри, я поднялся по лестнице.

Второй этаж встретил меня всё тем же обилием проводов, ведущих из бывшей детской комнаты моего сына. Мурашки пробежали по телу – было жутко. Внутри стояли какие-то механизмы, похожие на генераторы. Из них торчали провода, протянутые в открытое окно.

Выйдя на улицу и обойдя дом, я обнаружил на крыше стремящиеся к небу штыри разной длины, к которым вели шнуры из детской. Выглядело это всё очень запутано и страшно. Я вернулся обратно и продолжил поиски.

На втором этаже было всего две комнаты: сына и наша с женой спальня, позже переделанная в подобие офиса. В кабинете, на удивление, проводов не было, только бумаги, старые газетные выпуски, чертежи и заметки. Я принялся изучать их.

«Пострадавший в ходе несчастного случая мужчина умер

до приезда врачей, сообщают источники...»

Какие-то новости, к чему они?

«Николай, этой ночью меня не будет дома, так что я не смогу проводить тебя в школу. Еда приготовлена, лежит в холодильнике, разогрей утром. Одежда на вешалке. Прошу прощения за это.

Твой любящий отец Тимофей.»

Моя заметка ещё времён, когда Николай ходил в школу. Столько лет прошло, что она здесь делает?

Спустя час или два просмотра записей, я наткнулся на дневник Николая. Многие страницы были вырваны или же пустовали. Оставшиеся в них заметки порождали больше вопросов, чем ответов.

«...Капица предполагал, что шаровая молния есть продукт деятельности стоячей электромагнитной волны, мол, сама молния как бы нанизана на волну и передвигается по её поверхности. Но можно ли воспроизвести эту природную аномалию в лабораторных условиях? Если следовать расчётам, то вероятно, что...»

«Однако никак не объяснён тот факт, что люди видели чудовищ во время гроз. Причём это нельзя списать на узкий кругозор и необразованность, а следовательно, и желание описать всё сверхъестественными силами. Тут дело в другом, но в чём?»

«Один из наблюдавших данную природную аномалию утверждал, что находился в чистилище. С его слов, сперва он увидел шаровую молнию, а затем очутился в месте, похожем на реальный (условно назовём это так) мир. Но какой-то момент местность вокруг вздулась пузырями, после чего наблюдавший закрыл глаза и начал молиться. Сквозь сжатые веки он увидел яркую вспышку, после чего всё исчезло.

Можно ли считать, что шаровая молния способна сделать некий разрыв пространства? Реально ли при необходимом количестве энергии пробить дыру в пространстве? Тогда причём чудовища и чистилище?.. Неужели это действительно бредни испуганных людей?»

Глаза болели после неразборчивого почерка. Всё очень запутано. Я ничего не понимаю. Зачем Николаю понадобилось изучать всё это, да и ещё с таким усердием? Для чего?

«Все чудовища, изменения местности, в общем, любые странные и не поддающиеся логике события могут быть все-

го лишь результатом деятельности человеческого сознания, попавшего в искривлённое пространство. Из чего можно сделать странное предположение, что в том мире, изнанке, можно воздействовать на окружение, используя разум. В теории, это должно привести к каким-то изменениям в реальности (даже возможны временные парадоксы и влияние на развитие событий минувших). Однако последствия непредсказуемы. Но я должен рискнуть.»

«Механизм искривления пространства готов. С его помощью я смогу исправить ошибки прошлого. Надеюсь.»

Это была последняя запись в дневнике. Даты не было.

Я сел на стул, анализируя информацию. Получается, Николай пытался воссоздать шаровую молнию? И разорвать пространство? И для всего этого он построил ту машину в зале? Но где он брал энергию? Вряд ли от обычной электросети.

Я открыл окно и высунулся – в кабинете было душно. Свежий воздух немного привёл меня в чувство. На нос мне упала капля. Затем ещё одна. И ещё, и ещё.

Я укрылся от дождя в доме. К нему плыли иссиня-чёрные тучи. Пахло озоном. Сверкали молнии.

Кажется, я понял, где Николай брал энергию.

Конструкция на крыше напоминает громоотвод. В таком случае, все эти генераторы должны преобразовывать молнии в электричество? Безумие.

Мою нервную ходьбу по кабинету прервала острая боль в сердце. Ноги подкосились, я медленно осел на пол. В глазах помутнело и...

...и боль отступила.

Я потихоньку поднялся. Кабинет изменился: не сильно, но заметно. Исчезла пыль, появились мокрые следы. Пропали все бумаги, остался один исписанный лист.

«Отец, я заперт. Ты нужен мне.»

Что? Это Николай? Где он?

Я положил листок на стол – сильно тряслись руки. Далее корявым почерком было написано, что с помощью машины внизу он застрял в изнанке и не может выбраться. Также он вкратце расписал, как включить это устройство.

«Молнии тебе помогут», – писал Николай.

Кажется, я понял, о чём он.

Дёрнуть рычаг, нажать кнопки на панели в определённой последовательности, воткнуть провод в устройство. Повторить с другой стороны, дождаться зелёного света лампочек. Подняться на второй этаж, включить генераторы. Вернуться вниз, ждать накопления энергии.

В письме сына было сказано, что теперь необходимо накопить энергию до максимума, после чего нужно нажать ближайший к выходу рычаг.

Но как определить лимит?

Решил ориентироваться по гулу, исходящему от этой конструкции. В определённый момент стало казаться, что стены уже начали вибрировать, и именно тогда я нажал на рычаг.

Всё потухло. Однако через несколько секунд механизм запустился, стал слышен треск, волосы встали дыбом и...

И вспыхнуло.

Я пришёл в себя на том же месте, где и запускал аппарат.

Находился всё ещё в холле, однако он изменился: отсутствовали провода, аккуратно стояла мебель. Помещение выглядело обжитым.

Но на душе было погано, во рту чувствовался привкус горечи. С каждой минутой становилось невыносимее, потому я решил выйти из комнаты.

Зашёл в детскую. Стало легче. Всё стало как и было во время школьных лет Николая. Всё так же стоял столик около стены. Всё так же была не заправлена кровать. Я улыбнулся.

На столе были разбросаны тетради. Я взял одну из них.

– Фи-зи-ка, – мой собственный голос казался чужим – гулким, скрипучим.

Внутри не было никаких формул, задач, записей. Только на первой и на последней страницах было написано:

«ОНИ НЕНАВИДЯТ. ОНИ ЗАВИДУЮТ»

Кто «они»? И почему?

Взял другую тетрадь. Там уже не было никаких странных надписей, лишь заметки, написанные, судя по всему, Нико-

лаем.

«Они не общаются со мной, думают, что я странный. Преподаватели говорят, мне нужно перестать грезить о других мирах. Какие другие миры? Я же просто рассказал, что в теории можно подчинить молнию и уже с ней...»

«Папа, сегодня со мной разговаривал учитель по физике. Он сказал, что я хоть и умный, но моя идея безумна и невыполнима. "Придумай что-нибудь другое, если хочешь впечатлить остальных и подружиться с ними". Одноклассники подначивают меня, мол, иди, поймай свою молнию. Почему они на меня ополчились?»

Последнюю запись я не помню. Да, точно, Николай не оставлял мне этой записки.

Я отложил тетрадь. В комнате стало душно – нужно проветрить. Когда открыл окно подул бешеный ветер, снося полки и переворачивая мебель. Меня прижало к стене кровати.

Очнулся я на улице. Дом исчез, вокруг были только деревья. Вдалеке виднелась водонапорная башня. Воздух был очень тяжёлым, как перед грозой. Хотя на небе ни облачка.

Деваться было некуда, я пошёл к башне. По ходу движе-

ния стал замечать, что на некоторых деревьях прибиты пустые листы бумаги. С каждым шагом их становилось всё больше.

Тем временем башня не приближалась. Я шёл долго. Не знаю, час или два, но успел порядочно устать. Решил отдохнуть у ближайшего дерева.

Пошёл мелкий дождь. Капли воды упали на бумагу. Но та не стала размокать, наоборот, на ней стали проявляться надписи.

«Личность погибшего в результате несчастного случая пока ещё не установлена из-за многочисленных ожогов. Неизвестна причина по которой мужчина оказался...»

Далее текст прерывался. Осталось только мутное изображение лежащего силуэта.

Я стал оглядываться в поисках других возможно проявившихся заметок, но резкий ветер сорвал их с деревьев. Листы бумаги кружились в воздухе в хаотичном танце, с каждым мгновением всё больше напоминая силуэт человека.

Ветер резко прекратился. Бумажки осели на землю, приняв форму сгорбленного человека. Слышались всхлипы.

Судя по всему, плакала фигура. С каждым шагом всхлипы раздавались всё громче. Можно было вычленить отдельные фразы.

«Почему?»

«Прости, что сбежал»

«Не надо было их слушать»

«Зачем полез туда?»

Я подошёл и аккуратно положил руку на плечо фигуре. Та резко посмотрела на меня своими пустыми глазами и прокричала:

– Папа!

Звуковой волной меня унесло к водонапорной башне, прибавившей в размерах. Погода испортилась окончательно – шёл ливень, сверкали молнии. Очередная вспышка осветила лестницу, намекая, что я должен лезть вверх.

– Отец! – меня пронзило, будто током. Это был голос Николая. Он раздавался сверху.

Только полный идиот полезет ввысь в грозу. И именно им я и являлся. Дурак.

Я лез и лез. Лестница не кончалась, погода портилась, а крики Николая слышались всё чаще.

Наконец перекладины кончились. Я вылез на огромную площадку, утыканную громоотводами. Около одного из них стоял Николай. Он увидел меня.

– Отец! – жёсткие объятия до хруста ребёр. – Папа! Папа! – слёзы и всхлипы. – Я смог, папа! Я смог! – неопрятный внешний вид, покрасневшие глаза и льющие ручьём слёзы.

– Николай, что случилось? Нам надо уходить, пойдём отсюда, мы в опасности!

– Папа, стой! Ответь на один вопрос.

– Какой ещё вопрос? Нас сейчас убить может, пошли отсюда.

– Нет, ответь. Это важно, – неисправим. Упрям. Прямо как я.

– Хорошо, давай быстрее.

– Ты прощаешь меня?

– Да, а теперь пошл...

Тело пронзила боль. Свет застил глаза. Ничего не слышно.

Я падаю. Вижу кричащего Николая. Всё исчезает.

Вспышка.

***

«Шестнадцатый год подряд прихожу на твою могилу, отец. Я пытался изменить всё: делал расчёты, создавал машины, бредил червоточинами... Но время циклично – всё завершается тем, чем должно завершиться. Спасибо, что простил. Надеюсь, ты однажды ответишь мне. Оставляю письмо где обычно – за фотографией.

Дорогому отцу от любящего сына Николая.»